

УДК 81`25

О. Е. Загряева

ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРА ПЕРСОНАЖЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Гендерные стереотипы, идеалы и ценности могут составлять важный элемент структуры художественного текста, где есть персонажи, не являющиеся людьми, но приобретающие антропоморфные характеристики, в том числе и пол. Изменение гендерной принадлежности персонажей при переводе происходит как вследствие существования объективных языковых различий между языком оригинала и языком перевода (грамматический род полного русского эквивалента может не совпасть с семантическим родом переводимой английской лексической единицы), так и по причине недооценки переводчиком важности учета гендерных аспектов в создании художественного образа. Используя методы сопоставительного и контекстуального анализа, автор на примерах из романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере доказывает необходимость сохранения в переводах гендерных характеристик персонажей во избежание смысловых искажений. Задача сохранения в художественном тексте исходных гендерных ассоциаций может потребовать от переводчика принятия нестандартных решений.

Ключевые слова: гендер, род, художественный образ, антропоморфный персонаж, перевод, гендерный стереотип, переводческая эквивалентность, адекватность эстетического воздействия.

Интерес к проблемам перевода в отечественном языкознании не случаен, поскольку перевод является важным средством, обеспечивающим выполнение коммуникативной функции языка в тех случаях, когда люди выражают свои мысли на разных языках, а потребность в межкультурных контактах в современном мире только возрастает. Перевод художественных произведений представляет собой отдельную и чрезвычайно важную отрасль переводоведения, так как межкультурные контакты осуществляются зачастую посредством знакомства с

художественным творчеством иных народов. Принципиальное отличие художественных текстов от других видов текстов заключается в том, что для первых важно не только то, *что* сообщается, но и то, *как* это сообщается. Иными словами, переводчик должен передать не только денотативную информацию, заключенную в таком тексте, но и обеспечить сходное с оригиналом эстетическое воздействие текста перевода на рецептора. Поскольку фактор адекватности эстетического воздействия оригинала и перевода рассматривается учеными-переводчиками как один из важнейших критериев оценки качества художественного перевода [1, с. 22; 2, с. 32], неминуемо встает вопрос о том, какие именно содержательные и формальные аспекты художественного текста имеют непосредственное отношение к выполнению данным текстом его эстетической функции и, следовательно, должны быть обязательно учтены переводчиком в процессе работы над переводом.

Гендерные аспекты перевода попали в поле зрения отечественного переводоведения сравнительно недавно, хотя в современной отечественной лингвистике гендерные исследования как самостоятельное междисциплинарное направление уже насчитывают не один десяток лет. Согласно А. В. Кирилиной, термин «гендер» появился в российской научной литературе в начале 1990-х годов, и тогда же отечественный исследователь получил доступ к зарубежным теоретическим трудам по гендерной проблематике [3, с. 78]. Понятия «гендер» и «пол» не тождественны. Понятие «гендер» (соответствует английскому «gender») означает совокупность социальных, сексуальных и культурных норм поведения, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола, называемого термином «sex». Что касается термина «род» (тоже «gender» по-английски), то под ним подразумевается грамматическая категория рода, которая по-разному представлена в разных языках. Работы, где рассматривается переводческий аспект гендерных исследований, немногочисленны. Проблема влияния гендерного фактора на смысловую трансформацию художественного текста при переводе привлекла внимание О. А. Бурукиной

[4], И. В. Денисовой [5], М. Елифёровой [6], Н. М. Демуровой [7]. Мы разделяем их убеждение в том, что изучение особенностей отражения гендерной составляющей в языке художественных произведений и их переводов необходимо, так как гендерные стереотипы, идеалы и ценности могут составлять важный элемент структуры художественного текста. Соответственно, игнорирование гендерных характеристик персонажей при переводе может привести к разного рода смысловым искажениям.

К сожалению, в настоящее время роль гендерных факторов при переводе художественных произведений с английского языка на русский несколько недооценивается. Прежде всего это относится, конечно, к произведениям, где есть персонажи, не являющиеся людьми (животные, неодушевленные в реальной жизни объекты, аллегорические и мифологические образы и т. п.), но приобретающие антропоморфные характеристики, в том числе и пол. Далеко не все переводчики стараются сохранить гендерную принадлежность подобных персонажей при переводе, даже если ее легко эксплицировать из контекста. Как справедливо замечает М. В. Елифёрова, «переводчики ... "детской" литературы в большинстве случаев и не задумываются над тем, к какому гендеру относится персонаж. ... Гендерный сдвиг, с одной стороны, может быть единичным, с другой стороны, структурно значимым для всего художественного целого» [6]. Данная статья преследует цель подтвердить важность учета гендерных аспектов при переводе художественных произведений.

Сложность, а в отдельных случаях и невозможность сохранения исходного гендера персонажей художественных произведений при переводе с английского на русский язык проистекает из несовпадения систем рода в этих языках. Так, в английском языке род существительного – это не столько грамматическая, сколько семантическая категория, так как к мужскому или женскому роду принадлежат только существительные, указывающие на пол человеческих существ, а неличностные существительные формально относятся к среднему роду. При этом многие личностные существительные могут обозначать как мужчин, так и

женщин (например, *student, doctor, president*), а названия животных, также как и люди имеющих половую дифференциацию, даже если обозначают особей только мужского или только женского биологического пола (например, *bull – cow*) в большинстве случаев функционируют одинаково – как существительные среднего рода. Только в случае наделения референта какими-либо личностными характеристиками, т. е. метафорического приближения его к человеку, называющее его существительное приобретает свойства другого класса имен – класса личностных существительных, и в этом случае следует говорить о транспозиции категориальной оппозиции рода [8, с. 59–63].

Родовая принадлежность существительных в английском языке проявляется через их местоименную соотнесенность. Отсюда легкость персонификации любых объектов – англоязычный автор, уподобляя персонаж человеку, просто соотносит его имя с личным или притяжательным местоимением 3-го лица мужского или женского рода (*he / his* или *she / her*), одновременно наделяя данный персонаж соответствующей социально-культурной ролью. А в русском языке род существительных, называющих референты, не обладающие половыми признаками или с нерелевантными половыми признаками, семантически не мотивирован, и далеко не всегда грамматический род существующего полного русского эквивалента совпадает с семантическим родом переводимой английской лексической единицы. Переводчик, не осознающий значимость точной передачи исходного гендера подобного «очеловеченного» персонажа зачастую и ограничивается буквальным русским переводом его имени, однако в случае изменения им гендерной принадлежности персонажа может произойти искажение восприятия читателем всего текста – от некоторых смысловых потерь до полного разрушения цельности художественного образа, поскольку грамматический род русского имени создает определенное гендерно-окрашенное восприятие персонажа, и значимыми при этом оказываются те признаки, которые совпадают с соответствующими гендерными стереотипами [5, с. 24].

Ярким примером являются случаи олицетворения. В английской языковой картине мира при олицетворении ряд существительных (например, Смерть, Время, Солнце, Любовь, Океан, Сон) традиционно приобретают мужской гендер, в то время как другие существительные (например, Луна, Земля, Природа, Искусство) – женский. Традиция ассоциировать эти образы именно с данными гендерными характеристиками была воспринята англоязычными авторами через античную литературу из мифологических сюжетов Древнего мира [9, с. 10]. Что касается случаев олицетворения, которые нельзя обнаружить у античных авторов и, соответственно, объяснить следованием поэтической традиции, можно предположить, что причиной присвоения тому или иному феномену мужского или женского гендера был его образ в сознании людей. Нечто активное, могущественное, неподвластное влиянию извне, имеющее и проявляющее некую «волю» ассоциировалось с мужским гендером, поскольку сила и власть – это маскулинные характеристики. Фемининные характеристики олицетворяемого объекта – пассивность, мягкость, нежность, красота – обосновывали присвоение существительному женского гендера. Нетрудно заметить, что персонифицированные образы Смерти, Времени, Солнца, Любви, Искусства не совпадают по роду в русском и английском языках, что требует от переводчика принятия нестандартных решений при переводе, позволяющих сохранить исходные гендерные ассоциации.

В цикле романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере один из персонажей – Scabbers the rat – в переводе получил женский гендер, поскольку русский эквивалент слова *rat* – «крыса», и это существительное женского рода. «Говорящая» кличка животному также была подобрана соответствующая – Короста [10]. И это несмотря на то, что в англоязычном тексте автор недвусмысленно дает понять половую и гендерную принадлежность персонажа через соотнесение его имени с местоимениями мужского рода *he / his*: “*His name’s Scabbers and he’s useless, he hardly ever wakes up.*” [11, с. 75]. Ошибочность смены гендера персонажа в переводе становится очевидной не сразу, а только в третьей книге цикла, когда

крыса оказывается мужчиной в облике этого животного. Подобное неожиданное изменение половой принадлежности персонажа не может не вызвать недоумение читателя, автором исходного текста не планировавшееся. Конечно, переводчик вряд ли мог предположить, что гендерный сдвиг, казавшийся не существенным и оттого не представлявшим угрозы для адекватной передачи содержания первой книги цикла, будет иметь нежелательные последствия, которые проявятся в более позднем романе. Тем не менее, если пол персонажа конкретизирован самим автором с помощью тех или иных грамматических или лексических средств, переводчик должен подыскать имени персонажа эквивалент с тем же гендером в переводящем языке. В случае отсутствия подобного однозначного эквивалента переводчик может применить лексическую трансформацию конкретизации, генерализации или замены, выбрав близкий по лексическому значению аналог одного грамматического рода с исходным словом. В вышеописанном случае, если поиск подходящего соответствия не увенчался успехом, переводчику следовало хотя бы подобрать зверьку «мужское» имя, чтобы все же сохранить исходный гендер этого персонажа.

Пример случая, когда не представляется возможным сохранить гендерные ассоциации оригинала, можно обнаружить в том же цикле романов о юном волшебнике. Волшебные палочки в нем являются не менее важными персонажами, чем сами волшебники. Неоднократно автор подчеркивает присутствие у палочки собственной воли, мыслей, желаний, а также способности к самостоятельным действиям, которые проявляются либо в форме помощи хозяину, либо в форме сопротивления ему: (“...its allegiance will change.”; “The wand chooses the wizard.”; “...affinity between wizard and wand”; “...a mutual quest for experience, the wand learning from the wizard, the wizard from the wand.”; “...the conquered wand will usually bend its will to its new master.”) [12, с. 399–400]. Интересно, что в тексте существительное *wand* соотносится как с местоимениями среднего рода *it / its / itself*, так и с существительным мужского рода *brother*: “It is very curious indeed that you should be destined for this wand when its brother – why, its brother gave

you that scar.” [11, с. 64–65]. Очевидно, что Роулинг наделяет волшебную палочку главного героя мужскими гендерными характеристиками, что не только соответствует той активной роли, которую она играет в жизни хозяина, но и возводит ее в ранг друга и практически равноправного партнера волшебника, которому она принадлежит. Однако при переводе имени этого олицетворённого объекта на русский язык переводчик вынужден следовать за грамматическим родом существительного «палочка», поскольку подобрать эквивалент с иными гендерными характеристиками не представляется возможным: фразеологическое сочетание «волшебная палочка» – единственный способ называния данного предмета. Тем более странным кажется использование переводчиком слова «брат» – точного эквивалента соответствующей английской лексемы – по отношению к еще одной волшебной палочке, в некоторой степени «родственной» первой. Кроме того, образ волшебной палочки в русскоязычной версии книги потерял значительную долю своей автономности и могущественности и по чисто фонетическим причинам. Дело в том, что англоязычный термин *wand* в контексте звуко-символизма [13,14], бесспорно, имеет маскулинную окраску. Такому эффекту способствует заднеязычный гласный /ɔ/ в сочетании с твердым, тяжелым, темным /w/. Это звуко сочетание производит впечатление чего-то сильного, неподвластного воздействиям, волшебного, таинственного. Напротив, уменьшительно-ласкательный суффикс -очк- в русском слове «палочка» рождает иные ассоциации – с чем-то маленьким, милым, слабым, нуждающимся в опеке или защите. Иными словами, в переводе данного художественного произведения невольно нарушается гендерный стереотип, связывающий женский образ с такими чертами как стремление подчиняться, зависимость и пассивность, и одновременно в произведение привносится мотив материнско-сыновних взаимоотношений либо взаимодействия женского и мужского начал, следовательно, можно говорить об определенном смысловом искажении оригинального текста.

Таким образом, изменение в переводе гендерной принадлежности персонажей происходит как вследствие существования объективных языковых различий между языком оригинала и языком перевода, так и по причине недооценки переводчиком важности учета гендерных аспектов в создании художественного образа. Переводчикам необходимо помнить, что в результате гендерного сдвига может нарушиться способность образа транслировать определенную идею, что неминуемо приведет к неверной интерпретации замысла автора. Принципиальные изменения в концепции произведения, связанные с изменением гендера персонажа, происходят, как правило, тогда, когда персонаж является в нем одним из ключевых, или факты изменения гендера слишком многочисленны в рамках одного произведения, чтобы не повлиять на его литературное целое. Внимательное отношение к гендерному аспекту при переводе художественных произведений является важным условием создания качественного продукта, отвечающего современным требованиям эквивалентности и адекватности.

Список литературы

1. *Солодуб Ю. П.* Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. М., 2005. 304 с.
2. *Латышев Л. К.* Технология перевода. М., 2005. 320 с.
3. *Кирилина А., Томская М.* Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-isledovaniya> (дата обращения 05.02.2017).
4. *Бурукина О. А.* Гендерный аспект перевода // Гендер как интрига познания: сб. ст. М., 2000. URL: <http://www.owl.ru/library/002t.html> (дата обращения 05.02.2017).
5. *Денисова И. В.* Влияние гендерного фактора на перевод имен художественных персонажей // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 51/4 (218). Филология. Искусствоведение. С. 23–27.
6. *Елифёрова М. Е.* «Багира сказала...». Гендер сказочных и мифологических персонажей англоязычной литературы в русских переводах // Вопросы литературы. 2009. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/2/eli12.html> (дата обращения 05.02.2017).

7. Демурова Н. М. О переводе сказок Кэрролла. URL: <http://www.wonderland-alice.ru/public/interpretation/> (дата обращения 05.02.2017).
8. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. М., 2003. 423 с.
9. Барменкова М. В. Олицетворение, маркированное категорией рода в англоязычной художественной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 15 с.
10. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень. М., 2009. 400 с.
11. Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. L., 2000. 224 p.
12. Rowling J. K. Harry Potter and the Deathly Hallows. L., 2007. 607 p.
13. Feist J. 'Sound Symbolism' in English // Journal of Pragmatics. 2013. Vol. 45, Issue 1. P. 104–118.
14. Nuckolls Janis B. The Case for Sound Symbolism // Annual Review of Anthropology. 1999. Vol. 28. P. 225–252.

ЗАГРИЕВА Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: fromkirov43@rambler.ru